

Литургическая коллекция
Серия «НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ЛИТУРГИСТОВ»

А. А. ДМИТРИЕВСКИЙ

**СПОСОБЫ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ
НАПИСАНИЯ РУКОПИСЕЙ
БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДАТ
ВООБЩЕ И БОГОСЛУ-
ЖЕБНЫХ РУКОПИСЕЙ В
ЧАСТНОСТИ**

Опубликовано: Православный собеседник.
1884. № 1. С. 75–92

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2008.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2008

СПОСОБЫ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ВРЕМЕНИ НАПИСАНІЯ РУКОПИСЕЙ БЕЗЪ ОПРЕДѢЛЕННЫХЪ ДАТЪ ВООБЩЕ

И БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ РУКОПИСЕЙ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

Рѣчь, произнесенная 11 декабря 1883 года въ открытомъ засѣданіи
Совѣта предъ защитою магистерской диссертациі: «Богослуженіе въ
русской церкви въ XVI вѣкѣ», ч. I.

Думаю, мнѣ нѣтъ надобности говорить о необходимости и важности моего изслѣдованія. Предметъ моей диссертациі, до сихъ поръ почти незатронутый въ историко-литургической литературѣ, достаточно говоритъ самъ за себя. Поэтому нахожу болѣе цѣлесообразнымъ съ настоящимъ своимъ положеніемъ по отношенію къ вамъ, мои высокопросвѣщенные судьи, и быть можетъ, не бесполезнымъ для нѣкоторыхъ изъ моихъ слушателей, начинающихъ заниматься древне-русскою письменностію вообще и богослужебною письменностію въ частности, сказать нѣсколько словъ о тѣхъ задачахъ, какія я поставилъ себѣ, принимаясь за настоящую работу, и о тѣхъ научныхъ приѣмахъ, которыми я пользовался въ рѣшеніи этихъ задачъ. Правильная постановка задачъ изслѣдованія и удачный выборъ научныхъ приѣмовъ въ рѣшеніи ихъ могутъ служить достаточною гарантіею и для оцѣнки научнаго достоинства моего изслѣдованія.

Первая и главная задача моего изслѣдованія, какъ показываетъ и самое заглавіе его, состояла въ томъ, чтобы путемъ изученія славяно-русскихъ богослужебныхъ памятниковъ за данный періодъ времени, чрезъ сличеніе ихъ съ современными намъ богослужебными книгами, отмѣтить въ первыхъ всѣ тѣ особенности, какія отличаютъ богослужебную практику нашей церкви въ XVI вѣкѣ отъ современной. Вторая не менѣ важная задача заключалась въ томъ, чтобы объяснить по возможности историческое происхожденіе всѣхъ этихъ особенностей и указать причину появленія ихъ въ нашихъ богослужебныхъ памятникахъ.

Для рѣшенія первой задачи необходимый матеріаль мнѣ, какъ воспитаннику здѣшней академіи, должна была дать и дала наша академическая бібліотека (бывшая Соловецкаго монастыря и Анзерскаго скита), весьма богатая богослужебными рукописями за тотъ періодъ времени, который обнимаетъ мое изслѣдованіе. Но прежде чѣмъ приступить къ чтенію самыхъ рукописей этого отдѣла, который и доселѣ еще не описанъ научнымъ образомъ, а въ то время, когда я принимался за работу, весьма многія важныя изъ нихъ не были даже перемерены по листамъ, я долженъ былъ предварительно, чтобы знать съ какимъ матеріаломъ я имѣю дѣло, разсортировать, распределить всѣ эти рукописи по времени ихъ написанія. Какъ вамъ не безызвѣстно, въ данномъ случаѣ ученые обыкновенно обращаются къ тѣмъ уже болѣе или менѣ выработаннымъ, но еще далеко не установившимся въ наукѣ пріемамъ, которые принято называть *палеографіею*. „Знаніе палеографіи, говоритъ профессоръ археологическаго института Л. Миллеръ, часто служитъ единственнымъ средствомъ для опредѣленія вѣка и происхожденія письменнаго памятника, если авторъ его неизвѣстенъ и въ самой рукописи нѣтъ данныхъ, чтобы опредѣлить время и мѣсто ея происхожденія“. Подъ палеографіею или

вѣрнѣе пріемами ся достопочтенный профессоръ разумѣеть „форму буквѣ (т. е. начертаніе алфавита того языка, на которомъ написана рукопись), сокращенія словъ или частей словъ, раздѣленія слоговъ, знаки препинавія, ударенія и проч.“. Съ этого или этими пріемами и я долженъ былъ начинать, чтобы опредѣлить время написанія нашихъ академическихъ рукописей безъ опредѣленныхъ датъ. Но что дается легко людямъ уже опытнымъ и державшимъ въ своихъ рукахъ, можетъ быть, сотни рукописей и притомъ разныхъ вѣковъ, глазъ которыхъ легко подмѣчаетъ всѣ графическія тонкости даннаго алфавита, то весьма трудно дается, а иногда и не дается совершенно такимъ новичкамъ въ этомъ дѣлѣ, какимъ я былъ въ то время, когда начиналъ свою работу. Мнѣ, какъ не слушавшему спеціального курса по славяно-русской палеографіи въ академіи, весьма естественно, необходимо было обратиться къ существующимъ по этому предмету пособіямъ. Но уже не говоря о томъ, что такихъ пособій въ литературѣ весьма немного, должно сознаться, что и существующія пособія по палеографіи (напр., сп. тверскаго Саввы, архимандрита Амфилохія, И. И. Срезневскаго и др.) могутъ оказать весьма небольшую услугу для начинающаго заниматься палеографіею, такъ какъ эти труды большею частію представляютъ случайные сборники отрывковъ текста съ опредѣленною датою, въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ важныхъ для начинающихъ заниматься этою наукою комментаріевъ или объясненій. Если же иногда и присоединяются послѣдніе, то они въ большинствѣ случаевъ бываютъ строго филологическіе и потому даютъ весьма мало для цѣлей палеографическихъ. Вотъ почему я рѣшилъ оставить пока способъ опредѣленія рукописей чисто палеографической, пользуясь которымъ весьма часто ошибались на цѣлыя столѣтія люди опытные и, можно сказать, знатоки древней письменности.

Не рѣшился я воспользоваться и другимъ, повидимому, болѣе легкимъ способомъ опредѣленія рукописей безъ датъ, который практиковалъ въ началѣ своихъ палеографическихъ занятій знаменитый ученый греческій палеографъ Монфоконъ. Во введеніи къ своему труду этотъ ученый прямо говоритъ, что онъ началъ свои палеографическіе труды именно съ того, что рукописи безъ обозначенія года стали слѣдить съ тѣми, на которыхъ означено было и время ихъ написанія и имя писца. Наши русскія пособія по палеографіи весьма нерѣдко рекомендуютъ этотъ способъ опредѣленія рукописей и считаютъ его какъ „наиболѣе удобный и вѣрный къ точнѣйшему опредѣленію времени написанія оныхъ“. Причины, почему я не послѣдовалъ этому прекрасному и во многихъ отношеніяхъ достойному подражанію примѣру, а остался при своей нерѣшимости, были слѣдующія: а) въ нашей библиотекѣ имѣются рукописи въ большинствѣ случаевъ позднѣйшаго времени, XV, XVI, XVII вѣковъ, а если имѣются и рукописи болѣе ранняго времени, то ихъ на счетъ не болѣе пяти; б) громадное большинство этихъ рукописей безъ опредѣленныхъ датъ и, наконецъ, в) всѣ онѣ отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ почерка письма, такъ какъ между рукописями бывшей Соловецкой библиотекѣ, куда онѣ стекались въ видѣ пожертвованій изъ разныхъ уголковъ тогдашняго русскаго государства, весьма естественно встрѣчать разныхъ представителей по мѣсту своего происхожденія и по выработкѣ каллиграфіи. Здѣсь мы видимъ и настоящій уставъ древнѣйшаго времени и красивѣйшій полууставъ XVI в. и полууставъ, переходящій въ скоропись конца XVI или начала XVII в., и скоропись XVII вѣка. (Ркп. XVI в. № 1117).

Оставивъ на время указанные мною два способа опредѣленія рукописей, я рѣшился избрать третій способъ, который я называю *чисто-историческимъ* и который, по моему мнѣнію, болѣе всего подходящъ

для опредѣленія рукописей богослужебнаго характера. Честь открытія этого способа опредѣленія рукописей принадлежитъ не мнѣ. Уже давно ученые пользуются для опредѣленія рукописей этимъ способомъ, впрочемъ, придавая ему почему-то второстепенное значеніе. Упомянутый уже мною профессоръ Миллеръ рекомендуетъ этотъ способъ въ томъ случаѣ, когда является необходимость по законамъ критики исправить испорченныя мѣста и дополнить пробѣлы той или другой рукописи. „Вмѣсто испорченнаго чтенія только въ такомъ случаѣ можно ставить догадку, по словамъ этого профессора, если она вполнѣ согласна съ законами критики, т. е. если она не содержитъ въ себѣ ничего, что *въ палеографическомъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ матеріальномъ или формальномъ отношеніи не соответствуетъ издаваемому документу. Для послѣдняго, прибавляетъ онъ, надо обращать вниманіе *на историческія данныя*, потому что нельзя напр. ставить въ текстѣ письменнаго памятника такія событія, которыя произошли по смерти автора, или о которыхъ онъ не могъ знать ничего; надо также имѣть въ виду языкъ и слогъ автора, наконецъ, его образъ мысли“. Въ этихъ словахъ достопочтеннаго профессора нельзя не видѣть, что историческій способъ опредѣленія рукописей можетъ быть, по его мнѣнію, употребленъ въ томъ только случаѣ, если имя автора памятника извѣстно, если занимающійся извѣстнымъ памятникомъ достаточно овладѣлъ языкомъ, слогомъ и образомъ его мысли. Но и въ этомъ случаѣ палеографическій способъ опредѣленія рукописей безъ датъ стоитъ, по его мнѣнію, все же на первомъ мѣстѣ. Самыя историческія вставки, провѣренныя по всѣмъ законамъ критики, должны соответствовать издаваемому документу *въ палеографическомъ отношеніи прежде всего*, а затѣмъ уже должны имѣться въ виду отношенія формальныя и матеріальныя. Горскій и Невоструевъ, при описаніи синодальныхъ рукописей, историческія данныя въ опредѣленіи рукописей ставятъ на первомъ

мѣсть, по весьма рѣдко большую цѣну придаютъ внѣшнимъ, такъ сказать, историческимъ фактамъ, чѣмъ внутреннимъ. Они обращаютъ вниманіе на приписки на поляхъ, на корешкахъ и на выходныхъ листахъ рукописей, каковыя приписки содержатъ въ себѣ указанія о принадлежности рукописи тому или другому лицу, о времени пожертвованія ея въ монастырь и т. д. На основаніи этихъ внѣшнихъ данныхъ ученые описыватели Синодальной библіотеки совершенно несправедливо приписали рукопись этой библіотеки № 601 (344) митрополиту Кипріану и рукопись № 952 (347) преподобному Сергію Радонежскому. Существованіе, напр., одинаковаго списка входныхъ молитвъ въ Стоглавъ и въ служебникѣ Синод. библ. № 612 (356) даетъ имъ право дѣлать заключенія о написаніи рукописи послѣ Стоглаваго собора, тогда какъ внутренніе болѣе очевидные признаки этой богослужебной рукописи и множество другихъ неопровержимыхъ доказательствъ даютъ полное основаніе говорить объ обратномъ явленіи, т. е. что Стоглавъ написанъ послѣ этой рукописи, которая дала несомнѣнный матеріалъ первому. (Въ моемъ изслѣдованіи эта ошибка почтенныхъ описывателей рукописей Синодальной библіотеки разобрана довольно обстоятельно въ примѣч. на стр. 67). Что касается лично меня, то я, не оставляя безъ вниманія внѣшнихъ историческихъ данныхъ для опредѣленія рукописей безъ датъ, обратилъ особенно серьезное вниманіе на данныя внутреннія, подъ которыми я разумѣю появленіе въ рукописяхъ именъ святыхъ русскихъ чудотворцевъ и титуловъ: великій князь, царь, архіепископъ, патріархъ и архимандритъ.

Знакомясь съ богослужебными памятниками, я не могъ не видѣть того, что въ громадномъ большинствѣ изъ нихъ имѣются мѣсяцесловы. Если же ихъ и не существуетъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, напр., служебникахъ, то зато имѣются здѣсь перечисленія святыхъ въ чинѣ проскомидіи, въ молитвахъ и въ

отпустахъ. Съ чтенія этихъ мѣсяцеслововъ я и началъ свои научныя изысканія. Пробѣгая мѣсяцесловы богослужебныхъ памятниковъ нашей Соловецкой библіотеки и тѣ мѣсяцесловы древнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ, которые (т. е. мѣсяцесловы) изданы въ книгѣ архимандрита (нынѣ еп. ковенск.) Сергія, я не могъ не замѣтить, что въ нашихъ древнѣйшихъ славяно-русскихъ богослужебныхъ памятникахъ *именъ русскихъ святыхъ не встрѣчается*. Первое указаніе на празднованіе памяти св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба можно находить въ стихирарѣ 1157 года. Имя преподобнаго Θεодосія Печерскаго упоминается въ первый разъ въ стихирарѣ XII в. и въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ этого времени. Въ памятникахъ болѣе поздняго времени уже находимъ подъ 21 декабря имя митрополита русскаго Петра съ прибавкою: „новый чудотворецъ“, а нѣсколько раньше подъ 23 мая память св. Леонтія, еп. ростовскаго. (Память св. Петра московскаго начали праздновать съ 1339 года, а имя это вошло во всѣ мѣсяцесловы не раньше XV вѣка. Празднованіе въ честь св. Леонтія, епископа ростовскаго, началось съ 1190 года, а самое имя святителя на страницахъ нашихъ богослужебныхъ памятниковъ не встрѣчается раньше XIV вѣка). Въ рукописи Соловецкой библіотеки 1505 года (№ 1085) мы встрѣчаемъ уже имя св. Алексѣя, митрополита русскаго, мощи котораго обрѣтены въ 1431 году, съ припискою: „новый русскій чудотворецъ“, хотя эти же слова соединяются и съ именемъ еще Петра митрополита. Въ рукописи, принадлежащей несомнѣнно первой половинѣ XVI вѣка (№ 1116), послѣ имени Алексѣя, митрополита русскаго, находимъ замѣчаніе о службѣ ему, что „составися сіе пѣніе по благословенію преосвященнаго архіепископа Іоны (1449—1461), митрополита кievскаго и всея Руси, и по разсуженіемъ еже о немъ честнаго святительскаго собора, волею же боголюбиваго и вседержавнаго государя и великаго князя Василія Васильевича всея Руси“ (1425—1462). По-

двигаясь дальше отъ 1505 года, мѣсяцесловъ котораго не имѣеть подъ 30 августа памяти Александра Свирскаго, а подъ 31 марта памяти митр. Іоны, мы встрѣчаемъ на своемъ мѣстѣ и эти имена.

Появленіе названныхъ сейчасъ русскихъ чудотворцевъ на страницахъ нашего мѣсяцеслова и послужило для меня исходнымъ пунктомъ въ опредѣленіи рукописей по времени ихъ написанія. Тѣ рукописи, въ которыхъ мѣсяцесловы не содержатъ въ себѣ никакихъ именъ русскихъ чудотворцевъ или только имена Бориса и Глѣба и преподобнаго Феодосія Печерскаго, я отнесъ, по времени написанія, не позже какъ къ XIII вѣку. Рукописи, содержащія въ себѣ имя одного святителя ростовскаго Леонгія безъ имени митрополита Петра,—къ XIV вѣку. Имя послѣдняго съ прибавкою: „новый русскій чудотворецъ“ дало мнѣ смѣлость относить такія рукописи, по времени написанія, къ началу XV столѣтія. Рукописи, въ которыхъ упоминаются имена двухъ русскихъ митрополитовъ Петра и Алексѣя съ прибавками: „новый русскій чудотворецъ“, отнесены мною къ второй половинѣ XV вѣка или къ началу XVI в., такъ какъ служба послѣдняго стала совершаться, какъ мы уже знаемъ, не раньше 1449 и не позже 1461 года, года смерти митрополита Іоны. Появленіе въ мѣсяцесловахъ подъ 31 марта памяти митрополита Іоны, а 30 августа памяти Александра Свирскаго, празднованіе которымъ установлено повсемѣстно съ 1547 г., послужило для меня основаніемъ считать эти рукописи, написанными не позже начала второй половины XVI вѣка.

Къ этимъ соображеніямъ я присоединялъ и другія. Такъ, напр., всѣ тѣ рукописи, въ которыхъ на ектеняхъ и въ молитвахъ поминается *князь* или *великій князь*, а въ чинѣ царскихъ часовъ предъ Рождествомъ Христовымъ и Богоявленіемъ, по поводу царскаго многолѣтія, перешедшаго къ намъ на Русь отъ грековъ, дѣлается замѣчаніе: „сице убо творимо

есть (т. е. царское многолѣтіе) въ царствующемъ градѣ во святѣй Софіи, въ нашей же Руси подобаетъ инако премѣняти глаголы, *занеже нѣсть царствія здѣ ниже царя*“, всѣ такія рукописи я относилъ, по времени появленія ихъ, не позже первой половины XVI вѣка, потому что послѣ стоглаваго собора или вѣрнѣе послѣ 1562 года, когда царскій титулъ былъ утвержденъ патріаршею грамотою, титулъ — *великій князь* вездѣ замѣняется титуломъ *царь* и въ памятникахъ исчезаетъ приведенное сейчасъ замѣчаніе по поводу царскаго многолѣтія въ чинѣ царскихъ часовъ. Въ памятникахъ, написанныхъ несомнѣнно въ половинѣ XVI вѣка, титулы „великій князь“ и „царь“ перемѣшиваются. Въ одной и той же рукописи можно встрѣчать въ одномъ мѣстѣ „царь“ въ другомъ „великій князь“, такъ какъ определенное употребленіе царскаго титула только что еще устанавливалось.

Далѣе, всѣ тѣ рукописи, въ которыхъ титулы *архіепископа* и *митрополита* замѣнены титуломъ *патріархъ*, полученнымъ русскимъ первосвященникомъ только въ 1589 году, я отнесъ, по времени ихъ появленія, къ XVII столѣтію и не касался ихъ въ своемъ изслѣдованіи. Быть можетъ, нѣкоторыя изъ этихъ рукописей написаны и въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка, но, по моему мнѣнію, онѣ не могутъ характеризовать богослуженіе въ XVI вѣкѣ, такъ какъ практическое примѣненіе, безспорно, онѣ могли получить не раньше начала слѣдующаго столѣтія.

Наконецъ, такъ какъ въ моемъ распоряженіи были въ самомъ началѣ рукописи библіотеки Соловецкаго монастыря, въ которомъ была особая келлія, назначенная для писцовъ, и были болѣе или менѣе извѣстные писцы, оставившіе послѣ себя много рукописей съ своими именами, то и эти данныя для опредѣленія рукописей мною не были опущены изъ вниманія. Частяѣе, по отношенію къ рукописямъ Соловецкаго монастыря, я сдѣлалъ болѣе точныя опредѣленія. Какъ извѣстно, „отъ времени основанія Со-

ловецкаго монастыря настоятельство въ немъ было игуменское, но въ 1651 году, по указу великаго государя царя Алексѣя Михайловича и по настольной граматѣ преосвященнаго Никона, митрополита новгородскаго, учреждена въ Соловецкомъ монастырѣ *архимандрія*. Поэтому тѣ рукописи, въ которыхъ на ектеніяхъ и въ молитвахъ упоминается титулъ архимандрита, я отнесъ ко второй половинѣ XVII вѣка, а тѣ, въ которыхъ титулъ игумена стоитъ рядомъ съ титуломъ митрополита, даннымъ новгородскимъ владыкамъ, отъ которыхъ Соловецкій монастырь находился въ духовной зависимости, только уже въ 1589 году, я отнесъ къ первой половинѣ XVII вѣка.

Правда, въ такомъ способѣ опредѣленія рукописей есть ошибки, и я не могу скрывать ихъ передъ вами, но ошибки эти будутъ уже не въ столѣтіяхъ, а только въ десятилѣтіяхъ. Во всякомъ случаѣ, пользуясь этимъ *историческимъ способомъ* опредѣленія рукописей, безъ всякаго сомнѣнія, я сдѣлалъ менѣе ошибокъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы я, не будучи знакомъ съ палеографіею вообще, сталъ бы въ данномъ случаѣ пользоваться палеографическимъ способомъ опредѣленія рукописей.

Разсортировавъ и распредѣливъ такимъ образомъ бывшіе у меня подъ руками богослужебные памятники, я приступилъ къ выполненію первой своей задачи, которая, послѣ уже извѣстной вамъ предварительной работы, не представляла особенно важныхъ затрудненій. Богатая богослужебными рукописями XVI вѣка наша академическая—соловецкая библиотека дала мнѣ весьма много самаго разнообразнаго и интереснаго матеріала для рѣшенія этой задачи.— Гораздо болѣе потребовалось труда, времени и даже матеріальныхъ затратъ на выполненіе второй задачи, которая, какъ вамъ уже извѣстно, заключалась въ томъ, чтобы объяснить историческое происхожденіе каждой изъ отмѣченныхъ въ нашихъ славяно-русскихъ рукописяхъ особенностей и указать по возможности

дѣйствительную причину ихъ появленія въ нашихъ богослужебныхъ памятникахъ. Такъ какъ богослуженіе принято нами было почти одновременно изъ Греціи съ принятіемъ христіанства и изъ земель югославянскихъ съ принятіемъ оттуда богослужебныхъ книгъ, и въ дальнѣйшей исторіи мы не порывали связей въ этомъ отношеніи съ этими церквами, то для выполненія этой второй задачи весьма естественно я долженъ былъ бы обратиться къ богослужебнымъ памятникамъ этихъ церквей непосредственно. Но такихъ памятниковъ, за исключеніемъ молдо-влахійскаго служебника 1532 года (№ 1015), въ нашей библіотекѣ нѣтъ. Поэтому, по примѣру другихъ изслѣдователей въ данной области, я рѣшился ограничиться тѣми научными пособіями, которыя могла дать академическая библіотека. Святоотеческія творенія, относящіяся къ богослуженію древне-христіанской церкви и труды Гоара, Габерта, Мартена, Морина, Бингама и др., освѣщая многія стороны нашей богослужебной практики XVI вѣка, не могли, однако, удовлетворить меня вполне, потому что, ограничиваясь только этими пособіями, я долженъ былъ громадное большинство особенностей нашей древне-русской богослужебной практики или оставить безъ всякаго объясненія, или объяснять гадательно, чрезъ сближенія и аналогіи, или даже искать объясненія ихъ тамъ, гдѣ бы и не слѣдовало. И это было весьма естественно въ моемъ положеніи. Потому что отцы древне-христіанской церкви касаются, по преимуществу богослуженія первыхъ вѣковъ христіанства, а *Ευχολογιον* Гоара не содержитъ въ себѣ чиновъ изъ рукописей позже XIII вѣка, тогда какъ мнѣ необходимо было объяснять особенности богослужебной практики XVI вѣка, которая отъ XIII столѣтія значительно развилась, осложнилась и во многомъ ушла впередъ. Вотъ поэтому-то мнѣ гораздо большую услугу оказали извѣстное сочиненіе Симеона Солунскаго (XV в.) „*Περὶ τοῦ θείου ναοῦ*“ и чинъ литургіи Евѳимія, патріарха тырновскаго,

напечатанный въ сербскомъ журналѣ „Гласник“ за 1869 годъ, такъ какъ оба эти писателя предметомъ своихъ трудовъ стоятъ гораздо ближе къ эпохѣ, обнимаемой моимъ изслѣдованіемъ. Но труды этихъ писателей особенно дороги для меня въ томъ отношеніи, что они, такъ сказать, открыли мнѣ глаза и показали полную невозможность удовлетворительно рѣшить эту вторую задачу здѣсь въ Казани. Вотъ почему лѣтомъ 1881 года я, поощряемый моимъ незабвеннымъ наставникомъ Н. Ѡ. Красносельцевымъ, рѣшился предпринять путешествіе въ Москву, чтобы тамъ, на мѣстѣ, въ бібліотекахъ Синодальной, Румянцевскаго музея изучить богослужебную письменность христіанскаго востока.

... Зная уже, по личному опыту, что если чтеніе рукописей славяно-русскихъ сопряжено было съ нѣкоторыми немаловажными трудностями, то, безъ сомнѣнія, гораздо ихъ больше предстояло при чтеніи рукописей греческихъ—на языкѣ, съ которымъ меня знакомила школа болѣе теоретически. Поэтому предъ отправленіемъ въ Москву, я рѣшился предварительно познакомиться съ трудами по греческой палеографіи Монфокона, Саввы арх. тверскаго, Гардгаузена и др. Правда, эти труды не устранили всѣхъ трудностей, съ которыми мнѣ пришлось бороться на мѣстѣ, при личном знакомствѣ съ греческими рукописями, но уже значительно подготовили меня къ нимъ и дали нѣкоторый навыкъ въ чтеніи ихъ. Главныя затрудненія, при чтеніи греческихъ манускриптовъ, заключаются, и по мнѣнію палеографовъ, въ умѣннѣ правильно и безъ погрѣшностей разбирать и читать „разныя чрезвычайно изысканныя сокращенія словъ“ и условные знаки. Для облегченія этихъ затрудненій палеографами сдѣланы таблицы, въ которыхъ выбраны всѣ болѣе или менѣе изысканныя словосокращенія и условные знаки. Въ частности, для рукописей Синодальной бібліотеки имѣются таблицы архіепископа Саввы, сдѣланныя, по его просьбѣ, любителемъ греческой и

славянской филологіи А. М. Гезеномъ, который хотя и пользовался рукописями этой библіотеки, но внесъ въ свои таблицы множество такихъ знаковъ и слово-сокращеній, которые или вовсе не встрѣчаются въ синодальныхъ рукописяхъ или встрѣчаются очень рѣдко; зато онъ опустилъ изъ вниманія, и весьма не мало, словосокращенія самыя употребительныя. Поэтому я весьма мало пользовался этими таблицами, а болѣе всего старался практически достигнуть бѣлаго и разумнаго чтенія самыхъ рукописей. Усидчивость, интересъ самыхъ рукописей и помощь образованнѣйшаго и гуманнѣйшаго профессора М. университета А. С. Павлова, къ которому я нерѣдко обращался за разрѣшеніемъ возникавшихъ у меня недоумѣній, сдѣлали то, что черезъ мѣсяць я уже довольно свободно разбиралъ греческія рукописи, а послѣ трехъ съ половиною мѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ имѣлъ въ своемъ распоряженіи множество новыхъ фактовъ, неизвѣстныхъ въ историко-литургической литературѣ, и весьма необходимыхъ въ рѣшеніи намѣченной мною задачи.

Въ эту же поѣздку я расширилъ постановку первой своей задачи, благодаря тѣмъ новымъ даннымъ, которыя я выбралъ изъ славяно-русскихъ рукописей библіотекъ: М. Синодальной, М. Румянцевскаго музея, М. Типографской, М. духовной академіи, бывшаго Волоколамскаго монастыря, Троице-Сергіевской Лавры и др. и въ тоже время, благодаря описаніямъ этихъ рукописей, сдѣланнымъ въ большинствѣ случаевъ знатоками старинной письменности, я старался провѣрить тотъ способъ опредѣленія рукописей, который употребилъ въ началѣ своего труда. Провѣрка и знакомство съ рукописями московскихъ библіотекъ, давъ возможность подмѣтить въ трудахъ почтенныхъ описывателей нѣкоторыя ошибки, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить выше, въ большинствѣ случаевъ приводили къ одинаковымъ результатамъ въ опредѣленіи времени происхожденія рукописей.

Кромѣ того, знакомство съ древнѣйшими и богатѣйшими книгохранилищами дало мнѣ нѣкоторыя новыя данныя для опредѣленія времени написанія рукописей безъ датъ. Сдѣланныя мною наблюденія показали, что всѣ древнѣйшія богослужебныя рукописи до XIII вѣка включительно состоятъ изъ однихъ только молитвъ или стихирь, а обрядовыя дѣйствія, ритуальная сторона богослуженія описывается въ нихъ кратко и съ значительными сокращеніями въ самыхъ словахъ. Болѣе подробно развивается эта сторона богослуженія въ рукописяхъ XIV вѣка, но стоитъ пока особнякомъ отъ текста молитвъ. Въ рукописяхъ XV вѣка обряды богослужебные или чинъ сливается съ молитвами, но съ весьма ясными слѣдами недавняго раздѣленія этихъ составныхъ частей богослужебныхъ чинопослѣдованій. Памятники XVI вѣка тѣмъ отличаются отъ памятниковъ предшествующаго времени, что въ нихъ ритуальная сторона чиновъ является до крайности, до излишества, можно сказать, развитою и какъ бы даже подавляетъ собою основную и древнѣйшую часть чинопослѣдованій—молитвы. Кромѣ того, какъ самыя памятники этого времени, такъ и содержащіеся въ нихъ чины отличаются еклеktивнымъ направлениемъ. Здѣсь въ одномъ и томъ же памятникѣ мы видимъ не только по нѣскольку списковъ одного и тогоже чина, но и въ одномъ и томъ же чинѣ встрѣчаемъ изложеніе одного и тогоже момента въ нѣсколькихъ вариантахъ. Представителемъ такихъ памятниковъ можно смѣло назвать рукопись нашей Соловецкой бібліотеки № 1085 и М. Синод. библ. № 612.

Далѣе, по отношенію къ мѣсту происхожденія своихъ особенностей, наши богослужебные памятники до XIV в. болѣе всего тяготеютъ къ богослужебнымъ памятникамъ церкви греческой болѣе ранняго времени. Рукописные памятники XIV и главнымъ образомъ XV вѣковъ воспроизводятъ на своихъ страницахъ особенности практики церкви южно-славянскихъ.

Особенности же памятниковъ XVI и XVII вѣковъ тождественны съ подобными же особенностями памятниковъ греческой церкви позднѣйшихъ редакцій и по преимуществу первыхъ печатныхъ венеціанскихъ изданій.

Наконецъ, частнѣе, по отношенію къ тому или другому чину, можно наблюдать болѣе или менѣе характерныя явленія, которыя могутъ служить вѣрнымъ признакомъ для опредѣленія времени происхожденія рукописи. Такъ, напр., въ древнѣйшихъ спискахъ чина проскомидіи описываются дѣйствія только надъ одною первою (агничною) просфорою. Въ памятникахъ XIV вѣка къ этой просфорѣ присоединяются двѣ слѣдующихъ, а объ остальныхъ упоминается вскользь. Въ памятникахъ XV вѣка мы видимъ пять и шесть просфоръ, къ которымъ въ концѣ XVI вѣка прибавляется уже *седьмая*.

Возьмемъ другой чинъ, *чинъ покаянія*. Въ древнѣйшихъ памятникахъ этотъ чинъ вовсе не встрѣчается, а вмѣсто него находимъ однѣ только покаянныя молитвы. Въ первый разъ короткій чинъ покаянія является въ XIV вѣкѣ. Въ слѣдующемъ XV столѣтіи этотъ чинъ значительно осложняется, но пенетенціальная сторона его развита слабо. Памятники XVI и XVII вв. содержатъ въ себѣ уже по нѣскольку списковъ этого чина въ разныхъ редакціяхъ и съ разнообразными надписаніями. Пенетенціальная сторона его представляется уже весьма развитою и образовала, такъ называемыя, „поновленія“ или „вопрошанія“ для лицъ разнаго пола и разнаго общественнаго положенія.

Можно было бы указать нѣсколько и другихъ признаковъ, по отношенію къ другимъ чинамъ, на случай опредѣленія рукописей безъ датъ, но это завело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы настоящей моей задачи—познакомить васъ кратко съ тѣми способами опредѣленія времени появленія рукописей безъ

дать, какіе я употреблялъ, при написаніи своего изслѣдованія.

Собранные мною матеріалы въ лѣтнюю поѣздку 1881 г. дополнены нынѣшнимъ лѣтомъ, во время поѣздки въ Петербургъ и вторично въ Москву. Богатые собранія южно-славянскихъ рукописей Гильфердинга и Хлудова (нынѣ моск. единовѣрческаго монастыря) дали не мало новыхъ и весьма интересныхъ данныхъ для рѣшенія второй задачи.

Все добытое и собранное мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моихъ работъ для выполненія намѣченныхъ задачъ изложено теперь въ настоящемъ моемъ изслѣдованіи, продолженіе котораго послѣдуетъ, если позволятъ обстоятельства, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ нужные матеріалы для этого уже въ моихъ рукахъ. Тѣ выводы, къ которымъ я пока пришелъ въ своемъ настоящемъ изслѣдованіи, изложены мною въ тезисахъ ⁽¹⁾, а поэтому

⁽¹⁾ Вотъ эти тезисы:

- 1) Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ находится въ прямой генетической связи съ богослуженіемъ предшествующаго времени.
- 2) Характерными чертами, отличающими исторію богослуженія въ нашей церкви въ XVI вѣкѣ отъ исторіи предшествующаго времени, нужно считать: а) полное утвержденіе въ богослужебной практикѣ нашей церкви *іерусалимскаго устава* (*тутіковъ*) и появленіе такъ называемыхъ, *монастырскихъ „обиходниковъ“* или *мѣстнорусскихъ уставовъ*, временно какъ бы заслонившихъ собою даже господствующій *іерусалимскій уставъ*; б) полное *разлитіе богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій*, почерпавшихъ весь греческій ектологій и составившихъ въ нашей церкви двѣ богослужебныя книги—*Служебникъ* и *Требникъ*; в) *появленіе* въ богослужебной практикѣ новыхъ *чинопослѣдованій, неизвѣстныхъ на Руси въ предшествоующее время*, какъ прямое слѣдствіе счастливыхъ и благопріятныхъ обстоятельствъ для русской церкви и ея представителя; г) наконецъ, г) *соборную попытку*, правда неудачную во многихъ отношеніяхъ и поэтому въ исторіи богослуженія въ нашей церкви не имѣющую почти никакого значенія, но характерную въ томъ отношеніи, что здѣсь мы видимъ совокупныя силы русскаго государства, отъ царя и русскаго митрополита до «честныхъ» архіандритовъ и игуменовъ, направленные къ одной для всѣхъ желанной цѣли—видѣть богослуженіе въ нашей цер-

я не нахожу нужнымъ повторять ихъ въ своей рѣчи. Скажу только, что критика, быть можетъ, найдетъ эти

кни правильнымъ и для всѣхъ церквей однообразнымъ. Такая попытка есть прямое слѣдствіе благопріятныхъ политическихъ и церковныхъ обстоятельствъ, наступившихъ въ XVI вѣкѣ для русскаго государства. Тогда какъ до этого времени хотя и бывали попытки въ этомъ родѣ и весьма перѣдко, но инициатива ихъ всецѣло принадлежала одному русскому митрополиту, и работа въ этомъ дѣлѣ всю свою тяжесть ложилась на плечи его одного, за весьма немногими исключеніями.

3) *Первоначальный славяно-русскій іерусалимскій уставъ XV—XVI вѣки весьма значительно различается по своимъ особенностямъ отъ современнаго намъ устава того же имени, но, если исключить изъ него особенности, падающія на долю службъ въ честь русскихъ святыхъ, то всѣ остальные отличія представляютъ дословный переводъ греческаго типика этого времени.*

4) *„Обиходники“ или мѣстно-русскіе монастырскіе уставы, явившіеся въ нашей богослужебной практикѣ въ XVI вѣкѣ, созданы подъ непосредственнымъ вліяніемъ господствующаго іерусалимскаго устава, отъ котораго они отличаются большею торжественностію и церемональностію церковныхъ службъ, большимъ количествомъ стихиръ и по преимуществу русскихъ національных пѣснописцевъ для службъ общихъ уставамъ іерусалимскому и мѣстно-русскимъ или обиходникамъ.*

5) *Чинослѣдованія таинствъ и службъ седмицныхъ XVI вѣки отличаются замѣчательнымъ обиліемъ списковъ разныхъ редакцій и по времени, и по мѣсту своего происхожденія и чрезвычайно развитою ритуальною обрядовою стороною этихъ чинослѣдованій, которая этою-то стороною главнымъ образомъ и отличается отъ подобныхъ же чинослѣдованій предшествующаго времени.*

6) Но какъ ни многочисленны списки различныхъ чинослѣдованій нашихъ богослужебныхъ памятниковъ XVI вѣка, какъ ни разнообразны въ нихъ содержащіяся особенности, однако, все это, за весьма немногими исключеніями, находитъ для себя полное основаніе въ богослужебной практикѣ христіанскаго востока, съ которымъ у насъ на Руси были постоянныя и самыя живыя связи. *Богослужебные памятники церквей греческой и юго-славянскихъ—вотъ истинная и настоящая причина этого разнообразія.* Что же касается тѣхъ весьма немногихъ особенностей, которыя мы оставили безъ всякаго объясненія, за отсутствіемъ подъ руками несомнѣнныхъ данныхъ для этого, то это дѣло будущаго историка богослуженія въ нашей церкви, когда источники христіанскаго богослуженія вообще (рукописи греческіе и юго-славянскіе), разбѣянные въ настоящее время по разнымъ бібліотекамъ русскимъ и заграничнымъ, сдѣлаются достояніемъ науки, путемъ обнародованія ихъ во всеобщую извѣстность.

выводы нѣсколько преждевременными и недостаточно обоснованными. Быть можетъ, обратить вниманіе на отсутствіе обобщеній и выводовъ въ самомъ изслѣдованіи, на монотонность и нѣкоторую шероховатость въ изложеніи, что, впрочемъ, зависѣло отъ предмета изслѣдованія, трудно поддающагося обыкновенному литературному изложенію; найдутся, быть можетъ, и другіе недостатки, о которыхъ вы услышите сейчасъ отъ моихъ достопочтенныхъ оппонентовъ, но я льшу себя надеждою, что критика обратитъ должное вниманіе и на достоинства моего труда. Мнѣ пришлось работать въ области малоизслѣдованной и пользоваться такими источниками, о которыхъ весьма нерѣдко не существуетъ даже коротенькихъ библіографическихъ свѣдѣній. Я, насколько было возможно, внимательно проштудировалъ болѣе 70 греческихъ рукописей и до 30 южно-славянскихъ, я уже не говорю о тѣхъ болѣе 200 рукописяхъ славяно-русскихъ, которыя дали мнѣ нужный для изслѣдованія матеріалъ, извлекъ изъ нихъ множество цѣнныхъ научныхъ данныхъ, которыя въ большинствѣ неизвѣстны и которыя теперь появляются въ свѣтъ въ первый разъ въ моемъ изслѣдованіи или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ или даже въ цѣломъ видѣ въ приложеніяхъ къ нему. Вообще трудъ мой, быть можетъ, и утратитъ значеніе изслѣдованія, да это въ порядкѣ вещей, но какъ сборникъ матеріала, важнаго и интереснаго въ научномъ отношеніи и малодоступнаго въ подлинникахъ, разсѣянныхъ по столичнымъ библіотекамъ, думаю не скоро утратитъ свою цѣну.

А. Дмитріевскій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru